

УДК 94 (262+479)

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-7-12

СРЕДИЗЕМНО-ЧЕРНОМОРСКАЯ ТРАНСГРЕССИЯ И ПРОЦЕССЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ДИВЕРГЕНЦИИ ВНУТРИ ХАТТО-АБХАЗО-АДЫГСКОЙ ОБЩНОСТИ

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр Российской академии наук (ИГИ КБНЦ РАН)», bbarasbi@yandex.ru

Рассматриваются вопросы хатто-абхазо-адыгского древнего единства, условия, причины и формы последовавшей вслед за этим этнической дивергенции и сепарации. Отмечается, что одной из причин такого развития событий стала средиземно-черноморская трансгрессия IX–VIII вв. до н.э., а результатом – формирование кавказской и анатолийской ветви хатто-каскайцев с дальнейшим распадом первой из них на абхазскую и адыгскую (черкесскую). Приводятся связанные с затоплением черноморской впадины мифы и легенды черкесов. К числу последствий черноморского потопа отнесено подтвержденное археологическими разысканиями замедление человеческой деятельности на Западном Кавказе в период неолита. С последующим восстановлением этой деятельности в энеолите связано, как предполагается, включение хатто-каскайцев в процессы культурного развития восточного региона Балкано-Карпатской металлургической провинции, что впоследствии стало почвой для становления майкопской культуры.

Ключевые слова: Западный Кавказ, Анатолия, средиземно-черноморская трансгрессия, мезолит, неолит, энеолит, хатто-абхазо-адыгская общность, этническая дивергенция.

Существует мнение, что в кавказско-анатолийской контактной зоне еще в самом конце каменного века могла образоваться «обширная восточнопричерноморская этнокультурная область, лежавшая в основе хатто-абхазо-адыгского древнего единства» [Бетров 1998: 101]. Предполагается, таким образом, что в период мезолита протохатто-абхазо-адыгские (хатто-каскайские) племена занимали обширную территорию на северо-востоке Малой Азии, на Западном и Северном Кавказе. Соединяясь друг с другом через восточный берег Черного моря, эти племена, судя по всему, активно и плодотворно взаимодействовали с соседними народами Кавказа, Ближнего Востока, Юго-Восточной Европы.

Постоянные и длительные контакты хатто-каскайцев с соседними племенами сложились, видимо, в период перехода отдельных групп ближневосточного населения от присваивающего хозяйства к производящему. Размеры Черного фактически тогда еще не моря, а пресноводного озера или группы озер были гораздо меньше нынешних, и потому общение родственных племен Малой Азии и Кавказа было более доступным и свободным.

С известной долей осторожности это позволяет предположить, что покрытая лесами, озерами и реками огромная черноморская впадина была зоной постоянного взаимодействия южного, анатолийского и северного, кавказского хатто-каскайского

и индоевропейского населения. Похоже, что именно здесь в тесном контакте с праиндоевропейским населением Юго-Восточной Европы и «азианическим» на Кавказе и Ближнем Востоке складывались основы протохатто-абхазо-черкесского культурно-языкового единства. Однако еще в доисторические времена хаттская культурно-языковая общность распалась на две ветви. Первая *анатолийская*, вторая *кавказская*.

Одной из причин такого развития событий стало начавшееся в IX тыс. до н.э. глобальное потепление и таяние ледников. На заключительном этапе вызванной этим процессом средиземноморской трансгрессии Чёрное море поднялось более чем на 100 м. Вместе с труднодоступными горами и густыми лесами Западного Кавказа водная преграда, возникшая после затопления Черноморской впадины, стала дополнительным препятствием для общения анатолийских и кавказских хаттов (протоабхазо-черкесов). Обособившись друг от друга географически и, вследствие этого, этнически, каждая из этих ветвей протоабхазо-адыгского населения развивалась затем в основном самостоятельно и независимо друг от друга. Вот почему культурная и языковая связь между ними устанавливается лишь благодаря специальным изысканиям археологов, этнологов, лингвистов.

Вместе с тем в историческом сознании абхазо-адыгов сохраняются закреплённые в легендах и мифах отголоски «золотого века» кавказско-анатолийского единства, представления о наиболее значимых маркерах пространств, которые охватывало это единство. В частности, заслуживает внимания воспоминание о «Кавказской Атлантиде», заключённое в легендах о мифическом «Золотом подворье» – *Луэдыцэ* (Одиша). В традиционном сознании черкесов это благодатный край и «сердце» черкесской прародины. Навянное фольклором поэтическое представление о Золотом Подворье, о чудесной стране с раскидистым белым (серебристым, бархатистым) тополем на одной из вершин Кавказа содержится в замечательных стихах кабардинского поэта И. Клишбиева:

*Луэдыцэ и зы цыгу лъагэм
Зы щихуихуэ еклуу кыщыкит,
Къудану щІэрацІэ дахэм
Дуней псори кыщыгуфІыкит. [Къылышбий 2009: 27].*

*На одной из вершин Золотого Подворья-Одиша,
Украшая его, величественный тополь стоял.
Цветущим видом, статью своей и красотой
Радовал он весь белый свет.*

Устанавливается, как мы видим, поэтическая связь между Золотым Подворьем и тополем на одной из вершин Кавказа. Дело в том, что белый или серебристый тополь, известный у черкесов под названием – *къэдабэ щиху*, «бархатистый тополь», а у русских под именем «белолістка» считался и считается по сей день символом благоденствия и оберегом народа, страны, Кавказа в целом. Отсюда, возможно, и происхождение слова *щи-ху*, «тополь». В нем заключено значение близкое к словосочетанию – «белая святость», семантически перекликающееся с внутренней формой и значением оронимов Кавказ, Гуащхэмахуэ (Эльбрус), Каспий (Казбек) и этнонимов кас, касаг, caucası.

Конечно, тополь, на одной из вершин Кавказа может рассматриваться, только как поэтический, мифологический образ и уже по той причине, что серебристые (белые) кавказские тополя или белолістки растут только в долинах рек, а не на вершинах гор. Но эта неточность не снижает, напротив, усиливает значимость стихов Клишбиева для понимания истоков и основ истории абхазо-адыгского народа.

Подчеркивается вместе с тем, что красота и величие серебристого тополя были под стать красоте и величию Кавказских гор. Таков описанный в 1866 году знаменитым русским художником и писателем А.В. Верещагиным величественный священный тополь убыхов, росший до начала XX в. в долине реки Сочи, выше Пластунских ворот. «Ствол белолистики, – пишет Верещагин, – по измерению на высоте 2 ½ аршин (около полутора метров) от земли оказался в окружности 17 ¾ аршина (около 12,5 м), окружность же ствола у самой земли 20 аршин (около 14,5 м). Показательно, что ствол был внутри практически пустой, имел вход и держался на «сердцевине столбом толщиной (диаметром) не более восьми вершков (35,6 см)» [Верещагин 1874: 54]. Это означает, что пустота внутри ствола образовалась в результате удара молнии. По поверьям адыгов, это считалось, что сам Бог-громовец – Шибла избрал данное дерево в качестве священного.

Верещагин пишет, что из-за сходства пустого пространства в тополе, возникшего в результате удара молнии, с комнатой русские поселенцы называли это дерево «черкесской кунацкой» – местом их «сходок для совещаний и религиозных отправлений». У этого дерева, по рассказам местных жителей, «черкесы из племени Убых, жившие в окрестностях Сочи, держали свой последний совет перед выселением их в Турцию» [Верещагин 1874: 41].

В дополнение к сказанному надо заметить, что по своему содержанию и стилистике в прямой связи с описанным здесь восприятием Золотого подворья и серебристого тополя находится благоговейное отношение к Анатолии, значительную часть которой занимали южные, ближневосточные хатты. Я имею в виду отложившиеся в черкесском фольклоре стандартные высказывания об Анатолии как о «Золотой долине», почитаемой как божество. Особенно ярко они представлены в известном каждому адыгу зачине традиционных адыгских гимнов, молитв, здравиц, ср.:

*О наш Бог, Великий Бог,
Анадола, Золотая долина!*

*Уэ ди Тхэ, Тхэихуэ,
Анэдолэ, дыцэ къуэладжэ!* [Кабардинские здравицы 1985: 67].

Вообще Анатолия предстает в языке и фольклоре адыгов как хорошо знакомый край, в котором они живут, где сбываются мечты человека о счастье. Также точно воспринимался и Кавказ, метафорическое название которого *Луэдыцэ* – «Золотое подворье», сохранилось, кажется, в названии средневековой Менгрелии в виде Одиши.

Образы «Золотой долины» и «Золотого подворья», как мы видим, и в самом деле ассоциируются с «золотым веком» в истории хатто-абхазо-адыгских (майкопско-анатолийских) племен и народов, с эпохой их культурно-языкового единства. Остается только сказать, что все это является, судя по всему, эмоциональным откликом на бедствия и потери, которые обрушились на древних хаттов в результате средиземноморской трансгрессии и затопления Черноморской впадины в VIII тыс. до н.э.

В этот период, на завершающем этапе последнего глобального потепления и таяние ледников под водами мирового океана оказалась значительная часть суши во всех концах земли. Началась, как полагают специалисты, еще в IX в. очередная, самая мощная и катастрофическая по своим последствиям средиземно-черноморская трансгрессия. По всем данным она сопровождалась сначала медленным, а затем, примерно в середине VIII тыс. до н.э., очень быстрым подъемом уровня воды в Черноморской впадине. А закончилась ее почти полным затоплением и образованием на рубеже VII–VI тыс. до н.э. Азовского моря [Долуханов 2002: 11–12].

При этом вода прибывала и ее уровень увеличивался сначала (в позднем плейстоцене), за счет таяния местных ледников и сброса вод из Каспийского моря по Манычу. Но затем очень быстро из-за подъема уровня мирового океана и притока морской воды из бассейна Средиземного моря [Янко-Хомбах 2011: 79], вытесняя протоабхазо-адыгское население из Черноморской впадины в сопредельные районы Кавказа, Анатолии, Юго-Восточной Европы.

В 1998 году американские ученые У. Райян и У. Питман после проведенных ими подводных палеонтологических исследований в Черном море пришли к выводу, что в 6100 гг. до н.э. уровень воды в Средиземном море стал значительно выше, чем в Эвксинском (Черноморском озере). В течение примерно года Черноморская впадина стремительно наполнялась морской соленой водой [Ryan 1998]. Позднее, в 2003 году У. Райян отнес дату этого черноморского потопа к 7500 году до н.э. [Ryan 2003: 525–554]. В 2000 г. Р. Баллард провел в Черном море аналогичное исследование и пришел к тем же выводам [Ballard 2001: 607–623].

Хотя некоторые специалисты видят в этих выводах множество изъянов, в целом представленная американскими учеными картина вполне согласуется с общим мнением о последнем глобальном потеплении и последствиях, вызванной этим средиземно-черноморской трансгрессии, в результате, которой были затоплены большие участки освоенной древними людьми суши. Аналогичные изменения природного и культурного ландшафта происходили в доисторические времена во многих других концах планеты: появление Берингова пролива, пролива Ла Манш и др. Несомненно, это была глобальная природная и гуманитарная катастрофа, гибельная для больших масс населения, изменившая облик земли и всего человечества.

Следует думать, помимо всего прочего, что она кардинально изменила характер этнических процессов на Западном и Северном Кавказе. По всей вероятности, в конечном итоге горные цепи и водный барьер, сложные процессы социокультурного и собственно этнического развития, связанные с этим изменения этнодемографической, экологической, экономической ситуации в регионе разделили хатто-каскайский этнический массив. По всей вероятности, в этот период значительная часть хаттского населения отступила не только на Кавказ, но также на Балканы и в Северное Причерноморье, где вступила во второй половине V тыс. до н.э. в тесный контакт с носителями культур Винча, Триполи-Кукутени, Гумельница [Бифов 2018: 50–65].

Взаимодействие с развитыми культурами Балкано-Карпатского региона в период энеолита, как мне представляется, сопровождалось развитием навыков металлургического производства, что стало впоследствии почвой для расцвета майкопской культуры. Можно предположить, одним словом, что древние хатто-абхазо-адыгские племена были включены в процессы культурного развития восточного региона Балкано-Карпатской металлургической провинции, который, по мнению Н.В. Рындиной, охватывал степные и лесостепные районы от Северного Причерноморья до Поволжья [Ryndina 1998: 194].

С другой стороны, в этот период активизировались, по понятным причинам, процессы этнической дивергенции и сепарации внутри самой хатто-абхазо-адыгской общности. Сформировались – предположительно в конце V – начале IV тыс. до н.э. – три наиболее тесно связанные с протоабхазо-адыгским населением субкультуры: хаттско-анатолийская (протохеттская) – в северо-восточных областях Малой Азии, хаттско-протоабхазская – на юго-восточном побережье Черного моря, хаттско-проточеркесская – на Западном и Северном Кавказе.

В заключение следует сказать, что воспоминания о черноморской трансгрессии VIII–VII тыс. до н.э. и о чудесном спасении остатков местного населения во главе с пророком Нухом (Ноем) прочно сохраняются среди черкесов в настоящее время. По преданию, выжившая горстка людей расположилась на Эльбрусе, что

казалось им большим счастьем. И отсюда название этой горы *Луацхьэ махуэ* – «Гора счастья». По совету Ноя, чтобы не умереть с голода, каждый из выживших принес все, что у них осталось из съестного: вода, соль, фасоль, кукуруза, сушенное мясо, молоко. Из этого набора был сварен суп, позволивший им выжить, набраться сил и продолжить борьбу за существование.

В честь этого события по традиции, которая сохраняется среди черкесов повсюду, ежегодно на сороковой день после курмана (байрама) справляется праздник, посвященный чудесному спасению далеких предков, и в этот день все варят и съедают суп из семи названных выше ингредиентов. Большой популярностью до последнего времени пользовалось также мужское имя *Нухь*, как память о мудрости и стойкости Ноя, способная передаваться носителю этого имени. В мусульманской традиции Нух считается одним из множества пророков, облагородивших религию ислама.

С этими мифами перекликается относящееся к 1666 году сообщение Эвлия Челеби о том, что черкесы верили в мифы о потопе и Нухе как спасителе жителей Кавказа. Они утверждали, в частности, что на вершине горы Бештау в Центральной Кабарде расположены остатки Ноева Ковчега. Подчеркивается в этой связи, что из пяти расположенных здесь гор-близнецов Бештау самая высокая и остроконечная, а окружающие ее четыре горы ниже и не столь труднодоступны. На вершине этой самой высокой горы, пишет Эвлия Челеби, находится «ветхая корабельная доска длиной в триста шагов и шириной в два шага. В некоторых местах доски есть отверстия от гвоздей и буравов». По мнению местных правителей, продолжает Эвлия Челеби, эта доска «должна быть доской Ноева Ковчега» [Эвлия Челеби 1979: 91].

Конечно, это всего лишь реликты народного сознания и творчества черкесов. Однако нельзя исключать, что они связаны в какой-то мере с реальными событиями на Кавказе, с этногенезом и этнической историей абхазов и адыгов. На наш взгляд, в общем и целом представленная здесь общая картина черноморской трансгрессии и ее последствий коррелирует также и с современными археологическими разысканиями и открытиями. В частности, с Черноморским потопом можно связать период «остановки» или стагнации в культурном развитии Западного Кавказа, новые данные о замирании человеческой деятельности в этом регионе в период неолита [Трифонов 2009: 84–93; Мешвелиани 2013: 61–62; Канделакки 2016: 51, 54].

Существенные признаки возрождения этой деятельности отмечаются, как выясняется, лишь в энеолите, когда начинается медленное восстановление прежней жизни и «вторичное заселение» (В.А. Трифонов) Западного и Северного Кавказа. Известно, что именно в этот период, начиная примерно с V тыс. до н.э., получают развитие одишская и дарквети-мешоковская культуры. Согласно разысканиям последних лет различные центры этих культур охватывают Восточное Причерноморье, Западный и также Северный Кавказ вплоть до Нальчикского могильника [Трифонов 2009].

Источники и литература

1. *Бетрозов Р.Ж.* Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик, 1998. 260 с.
2. *Бифов Э.Р.* Вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов в свете современных данных лингвистики, генетики и археологии // Вестник науки АРИГИ. № 12 (36). С. 50–65.
3. *Верещагин А.В.* Путевые заметки по Черноморскому округу. М.: Тип. Н.Н. Мамонтова и К, 1974. 204 с.
4. *Долуханов П.М.* Березань, Черное море, миграция // Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб.: Нестор-История. 2002. С. 11–21.

5. *Кабардинские здравицы (Адыгэ хьуэхьухэр)* / сост. З.П. Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, 1985. 140 с.
6. *Канделаки Д.А.* Неолитизация Восточного Причерноморья: проблема интерпретации в контексте общего понятия «неолит» (взгляд историка) // *Актуальная археология* 3. Новые итерпретации археологических данных. СПб., 2016. С. 51–54.
7. *Къылышбий Исмэхьил.* МафІэм имыса усэхэр. Налшык, 2009. 182 с.
8. *Мешвелиани Т.К.* К вопросу о возникновении неолита в Западной Грузии. *Археология, этнография и антропология*. 2013. № 2 (54). С. 61–62.
9. *Трифонов В.А.* Существовал ли на Северо-Западном Кавказе неолит? // *Адаптация культур палеолита-энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе*. СПб., 2009. С. 84–93.
10. *Эвлия Челеби* Книга Путешествия. Вып.2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. 288 с.
11. *Янко-Хомбах и др.* Геология и полезные ископаемые Мирового океана. 2011. № 2. С. 79.
12. *Ballard R.D. a.o.* Deepwater Archaeology of the Black Sea: The 2000 Season at Sinop Turkey // *American Journal of Archaeology*. 2001. V. 105. 4 P. 607–623.
13. *Ryan W.B., Pitman W.C.* Noah,s Flood The New Scientific Discoveries About the Event That Changed History. N.Y.: Touchstone, 1998. 249 p.
14. *Ryan W.B. a.o.* Catastrophic Flooding of the Black Sea // *Annual Review Earth and Planetary Science*. 2003. Vol. 31. P. 525–554.
15. *Ryndina N.V.* Ancient metal working in South-East (Origin and development in the Neolithic-Cooper Age). Moscow, 1998.

MEDITERRANEAN-BLACK SEA TRANSGRESSION AND PROCESSES OF ETHNIC DIVERGENCE INSIDE THE HATT-ABKHAZ-ADYGE COMMUNITY

Bgazhnokov Barasbi Khachimovich, Doctor of History, Head Sector of the Ancient History and Archeology of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), bbarasbi@yandex.ru

The questions of the Hatt-Abkhaz-Adyghe ancient unity, the conditions, causes and forms of the subsequent ethnic divergence and separation are examined. It is noted that one of the reasons for this development of events was the Mediterranean-Black Sea transgression of the IX-th–VIII-th centuries. BC, and the result is the formation of the Caucasian and Anatolian branches of the Hattian-Cascians with the further collapse of the first of them into Abkhaz and Adyghe (Circassian). The myths and legends of the Circassians related to the flooding of the Black Sea basin are given. Among the consequences of the Black Sea flood, the fading of human activity in the Western Caucasus during the Neolithic period, confirmed by archaeological investigations, is attributed. With the subsequent restoration of this activity in the Eneolithic, it is assumed that the inclusion of the Hattian-Cascians in the processes of cultural development of the eastern region of the Balkan-Carpathian metallurgical province, which later became the basis for the formation of the Maikop culture.

Keywords: Western Caucasus, Anatolia, Mediterranean-Black Sea transgression, Mesolithic, Neolithic, Eneolithic, Hatt-Abkhaz-Adyghe community, ethnic divergence.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-7-12